

Восприятие феномена дружбы студенчеством ДГТУ: аффективный аспект

И.Н. Мощенко¹, И.Ф. Бугаян²

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

²Донской государственной технической университет

Аннотация: Работа посвящена обработке технологии экспериментальных исследований эмоциональной составляющей установок студенчества по отношению к дружбе. На конкретном примере показано, что разработанная ранее нами методика измерения аффективной составляющей различных социальных установок вполне позволяет выявить уровни эмоционального восприятия как реальной, так и виртуальной дружбы. Получено, что чуть более половины исследуемой аудитории (57-59%) показали практически нейтральное эмоциональное отношение, как к реальной, так и виртуальной дружбе. Положительно воспринимают реальную дружбу только около 29%, а виртуальную еще меньше – 19%. Отрицательно оценивают наоборот, виртуальную дружбу – 22% , а реальную дружбу всего 14%. Таким образом, в целом по группе отношение к реальной дружбе более положительное, чем к виртуальной. Показано, что такая закономерность наблюдается не только на групповом уровне, но и на индивидуальном. Но уже в виде тенденции. Полученные результаты подтверждают отмеченное в литературе уменьшение значимости дружбы (по сравнению с прошлым веком), и наметившееся увеличение роли виртуальных межличностных отношений..

Ключевые слова: межличностные отношения, дружба, виртуальная дружба, аффективная составляющая установок, технология семантического дифференциала, нелинейная феноменологическая модель.

Такое явление как человеческая дружба своими корнями уходит вглубь веков. Оно было известно еще в Древней Греции и воспевалось Гомером. Как и любой социальный феномен, это понятие историческое, на различных этапах общественного развития оно приобрело новые качества. Не останавливаясь подробно на стадиях его становления, отметим вслед за автором [1]: «по мере эволюции социума изменялся социальный институт дружбы, трансформируясь из ритуального побратимства, через рыцарскую дружбу, гуманистическую дружбу в романтическую, сподвижническое товарищество и, наконец, в современный институт межличностных отношений». При этом на любом этапе своего развития это явление широко отражалось в поэзии и литературе, и привлекало пристальное внимание

ученых. В частности, социальные и психологические аспекты феномена дружбы в прошлом веке лежали в зоне пристального внимания видных отечественных исследователей. К концу века это направление стало классическим [2].

Социальный кризис 90-х, распад Советского Союза и переход к другой экономической формации повлияли на ценностные ориентации человека в сфере межличностных отношений, вызвали сдвиг прежних понятий и стереотипов. Практически сразу же началось исследование влияние этих изменений на базовые характеристики взаимоотношений, в том числе и на дружбу. В основном, конечно, это были работы экспериментальные, по накоплению данных. Здесь следует отметить опросы, проводимые ВЦИОМ [3]. В анкетах содержались вопросы по межличностным отношениям и дружеским связям. Убедительно получено, что уже к первой половине 90-х примерно 40-50% респондентов стало реже встречаться с родственниками и друзьями. И эта тенденция нарастала. К 1999 г. уже 74% опрошенных отметили, что имеют всего одного – двух близких человека [3].

Детальный анализ изменений межличностных отношений в постсоветский период началось уже в нашем веке и продолжается до настоящего времени. Работы ведутся как в теоретическом [1,3], так и практическом направлениях [4,5]. Затрагиваемые вопросы многогранны, не все проблемы решены, и такие исследования не потеряли свою актуальность и в данный период. Более того, в последнее время их актуальность и востребованность даже повысилась, в связи с появлением нового фактора, ведущего к дальнейшей трансформации человеческих взаимоотношений.

В последние 15-20 лет активно развиваются интернет-технологии и социальные онлайн-сети. В них пользователи общаются и устанавливают новые «дружеские» отношения. Появился даже новый термин net-дружба (в

части работ используется ему эквивалентный – виртуальная дружба). Это явление возникло вначале на Западе, и первые исследования его были, конечно, за рубежом [6,7]. Но вскорости появились и наши отечественные работы [8-10], в основном посвященные выявлению и накоплению новой информации.

Относительно вышеотмеченных экспериментальных исследований изменения межличностных отношений можно сделать одно общее замечание. В этих работах использовались различные технологии измерений, как жесткого типа (анкетирование и прямой опрос [4,5], анализ сетевой статистики методами «больших чисел» [8], так и мягкого, качественного вида (к примеру, техника глубокого онлайн-интервью [9] или методика незаконченных предложений, с последующим контекстным анализом [10]). При этом основное внимание было направлено на выявление осознанной, когнитивной составляющей межличностных отношений. Однако такое явление как дружба во многом определяется и неосознаваемой, эмоциональной стороной. И необходимы комплексные измерения, как когнитивной, так и аффективной компонент установок по отношению к дружбе.

Научным коллективом, в состав которого входил и автор данной работы, начиная с 2009 г. и по настоящий момент проводились комплексные экспериментальные исследования когнитивного и аффективного восприятия различных социальных процессов. Анализировалось восприятия местного и центрального политических порядков [11,12], социальной ответственности государства, культурной инфраструктуры [13], собственного эмоционального состояния [14] и собственного уровня относительной депривации [15]. Целевой аудиторией были студенты Ростова-на-Дону и некоторых городов Северного Кавказа (Грозного, Владикавказа и Карачаевска), а также

политически активная часть населения Ростова. В общей сложности несколько тысяч человек. В ходе этих работ была разработана и опробована комплексная методика измерений когнитивного и аффективного компонент различных социально-политических установок.

Она была адаптирована для анализа установок студентов по отношению к такому социальному феномену, как дружба и опробована в пилотажном исследовании, проведенном в конце 2019 г. среди студентов Донского государственного технического университета (ДГТУ) Ростова-на-Дону. Специального анализа по представительности рассмотренной аудитории не делалось, но взятая выборка была типичной для студентов младших курсов технических специальностей. Всего было опрошено 51 человек (38,5% девушек, 61,5% юношей) возраста от 17 до 20 лет (см. Рис. 1, на котором приведена функция распределения респондентов по возрасту).

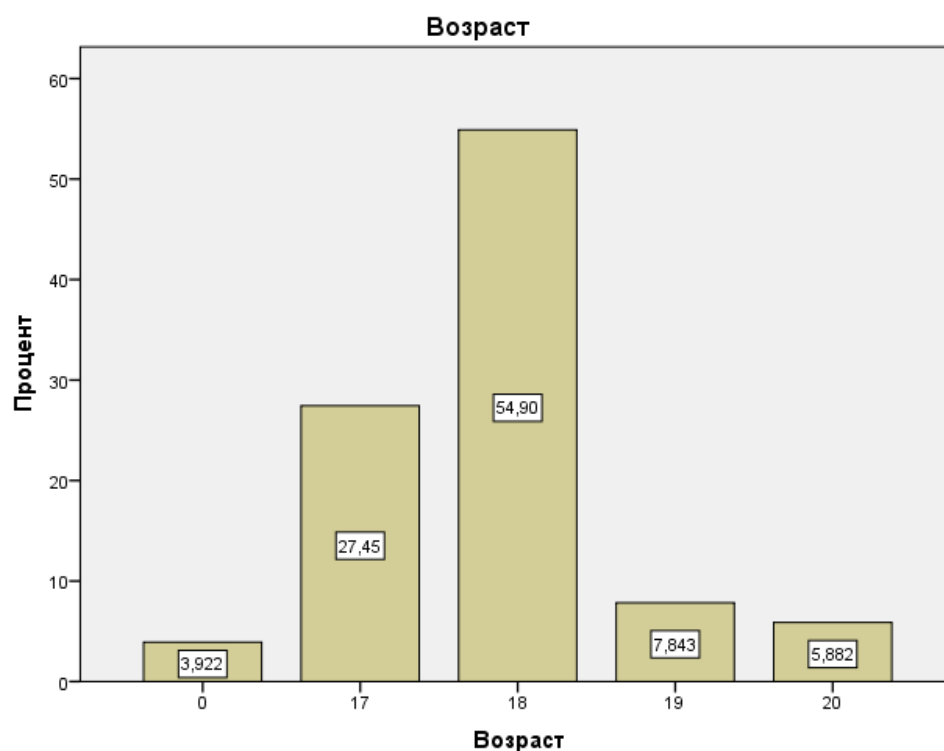

Рис. 1. Распределение исследуемой аудитории по возрасту.

Национальный состав – в основном русские (82%) и понемногу евреев, украинцев, армян и некоторых национальностей Северного Кавказа. Более детальное распределение показано на Рис. 2.

Анкета, используемая для измерений, состояла из двух частей. Одна содержала тестовые вопросы, отражающие когнитивную сторону установок молодежи по отношению к дружбе. Полученных по этому блоку результатов мы касаться не будем, им будет посвящена отдельная работа

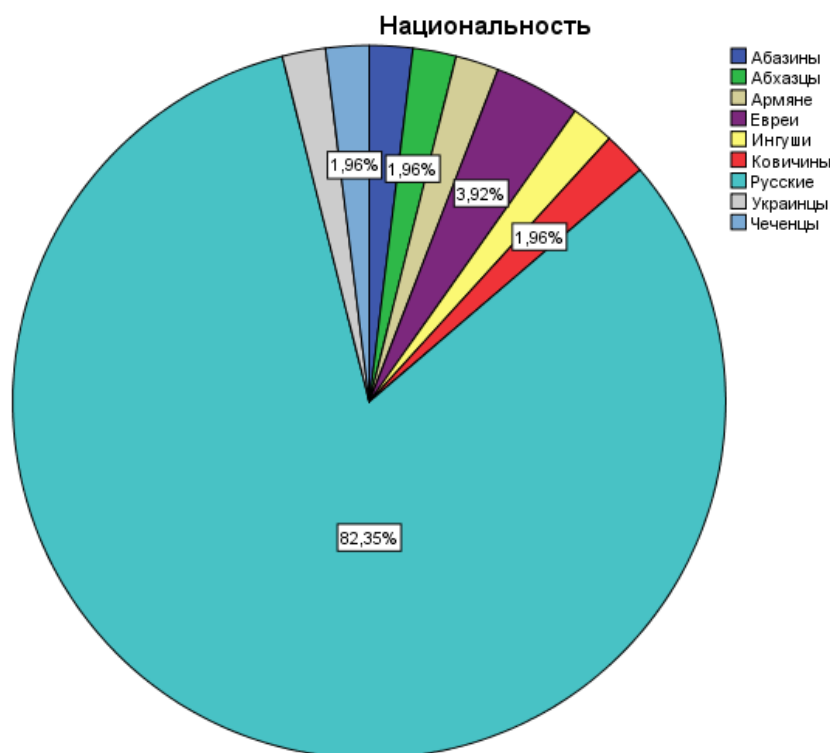

Рис. 2. Национальный состав рассматриваемой выборки.

Другая часть анкеты была посвящена выявлению аффективного, эмоционального компонента установок. Следует отметить, что напрямую эту составляющую респонденты редко осознают и прямой опрос ничего не дает. Для этих целей разработаны специальные проективные методики. Нами использовалась одна из них, предложенная Ч. Осгудом технология семантического дифференциала [16-18]. Методология таких измерений описана в выше цитированных наших статьях, и подробно на этом мы

останавливаться не будем. Приведем только основные моменты, необходимые для понимания полученных результатов.

Для сбора информации используется набор специальных семантических шкал. Каждая из них биполярная и содержит небольшое число дискретных градаций. Мы применяли семибальные шкалы, от -3 до +3. Крайние полюса шкал задаются прилагательными-антонимами. Часто используют прилагательные с эмоциональным оттенком. В анкете респондентов просят оценить исследуемый объект (процесс, явление и т.д.) по таким шкалам. В данной работе нас интересовала оценка студентами двух объектов – реальной и виртуальной дружбы.

При формировании ответа происходит проекция отношения опрашиваемых к объекту в пространство, заданное семантическими шкалами. В научной литературе иногда встречается мнение, что проекция именно эмоционального отношения. Но мы с этим не согласны и придерживаемся концепции, выдвинутой еще Ч. Осгудом. Шкалообразующие прилагательные подбирают таким образом, что бы их денотативная составляющая не могла быть использована для характеристики объекта исследования. И респонденты оценивают этот объект по коннотативным значениям прилагательных. В соответствии с этим Ч. Осгуд считал, что его метод позволяет выявить коннотативный, личностный смысл вкладываемый респондентом в исследуемый объект. Эта характеристика связана с его эмоциональным восприятием, но не сводится к нему.

Таким образом, при опросе по методике семантического дифференциала отношение респондента к объекту проецируется в единое семантическое пространство, но коннотативная интерпретация этого пространства у каждого субъекта своя, сугубо индивидуальна. Для калибровки этого субъективного пространства в анкету были добавлены еще

два вопроса. Респондентов просили охарактеризовать по тем же семантическим шкалам два идеальных конструкта. Идеальные, по представлению опрашиваемого, дружеские отношения, которые вызывают у него наиболее приятные эмоции. И наоборот, полностью неприемлемые межличностные отношения, вызывающие отрицательные эмоции.

При обработке результатов образы этих конструктов используются нами для выбора масштаба и направления в каждом индивидуальном семантическом пространстве. При этом мы исходим из предложенной Кумбсом модели порождения ответа респондентом, известной как теории индивидуальной точки [19]. Для нашего случая из нее вытекает, что чем ближе образ реального объекта к образу идеального положительного конструкта, тем выше эмоциональное восприятие объекта. И наоборот, чем ближе к идеальной отрицательной точке, тем негативнее эмоциональное отношение к объекту. В линейном приближении уровень такого восприятия будет пропорционален разности относительных расстояний от образа реального объекта, до образов отрицательной и положительной калибровочных точек, соответственно [11,12].

Более точные оценки уровней эмоционального восприятия дружбы получены нами на базе ранее разработанной стохастической феноменологической модели [20]. В ней учтено, что зависимость уровня восприятия от близости реального образа к идеальному не обязательно сводится к линейной. Исходя из концепции типичности, в рамках теории катастроф определен конкретный вид этой зависимости и получено интегро-дифференциальное стохастическое уравнение, описывающее динамику уровня эмоционального восприятия на индивидуальном уровне. Конкретная реализация такого уравнения сводится к уравнению Ланжевена и численно решалась для каждого респондента в отдельности, с использованием пакета

многоагентного моделирования AnyLogic. В конечном итоге это позволило определить функции распределения уровней эмоционального восприятия реальной и виртуальной дружбы по респондентам, показанные на Рис. 3 и 4.

Здесь по горизонтальной оси приведен уровень эмоционального восприятия, по вертикальной – доля респондентов (в процентах), характеризующихся таким уровнем. Отметим, что для уровней нами использовалась пропорциональная шкала от -1 (этот край соответствует эмоциональной реакции на абсолютно неприемлемые отношения) до +1 (восприятие полностью устраивающих отношений).

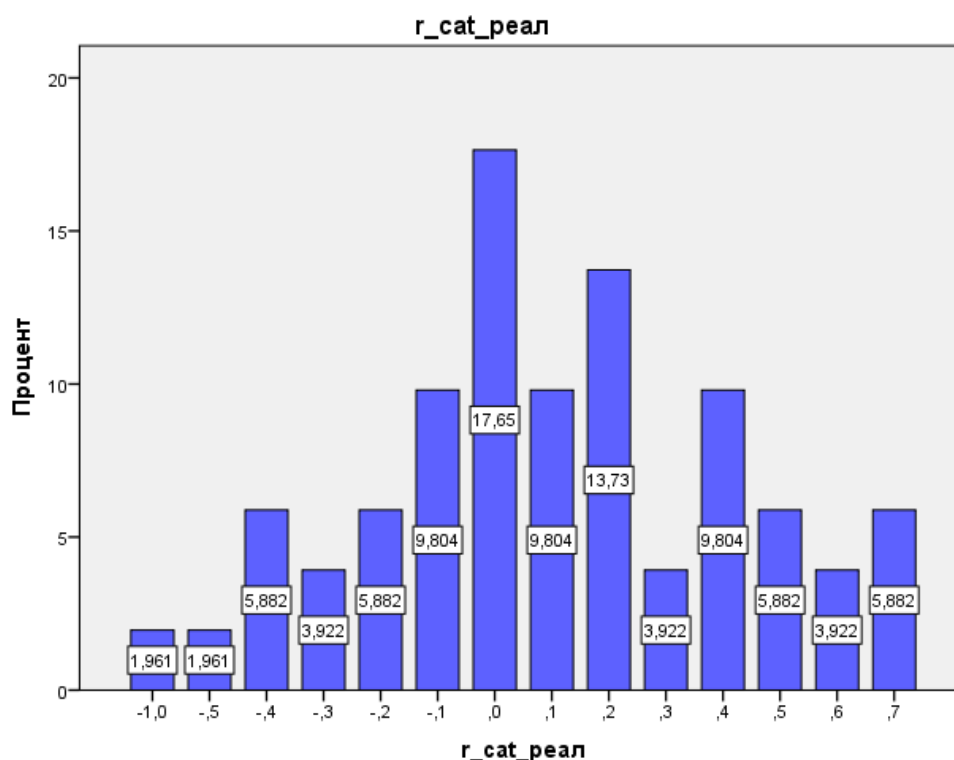

Рис. 3. Диаграмма распределения аффективной составляющей восприятия реальной дружбы. Среднее значение 0,1.

Представленные гистограммы демонстрируют крайне неоднородное эмоциональное отношение исследуемой аудитории, как к реальной, так и виртуальной дружбе. В среднем по группе эмоциональное восприятие

реальной дружбы слегка положительное, средний уровень 0,1. При этом около 18% респондентов указали строго нейтральное восприятие, порядка 53% - положительное, а 29% - отрицательное. Из последней полгруппы примерно 15% характеризуются слабо отрицательным уровнем восприятия (-0,1 и -0,2), а 14% - средне отрицательным (уровень -0,3 и ниже). Подгруппа с положительным восприятием также разбивается на две почти равные части. Слабо положительное восприятие (уровень +0,1 и +0,2) показали 24% опрошенных, а средне положительным (уровень +0,3 и выше) – 29%.

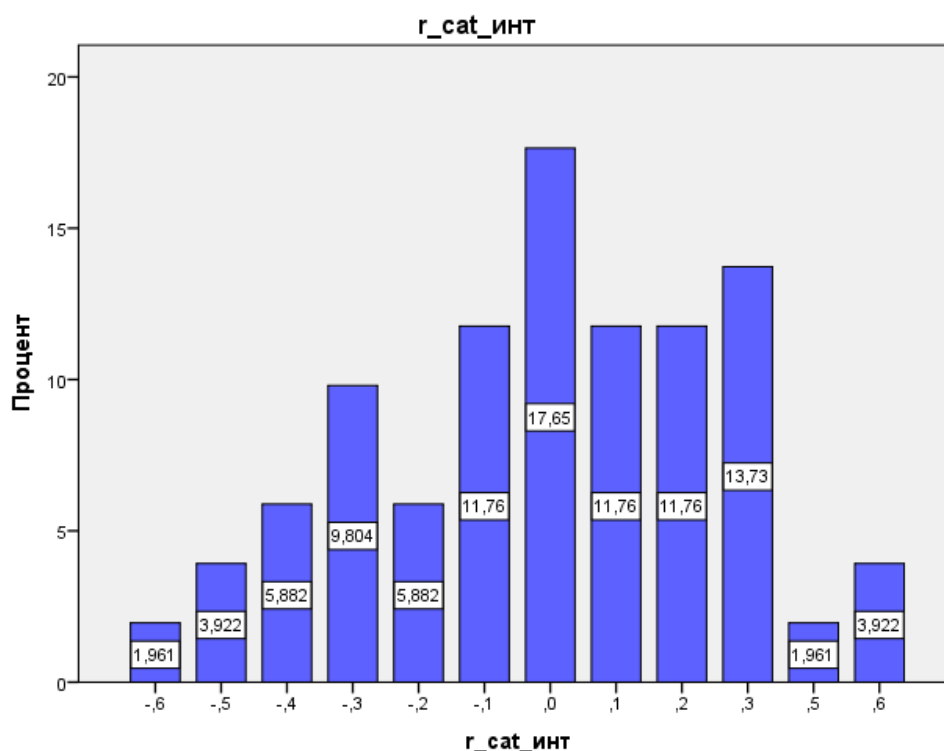

Рис. 4. Диаграмма распределения аффективной составляющей восприятия виртуальной дружбы. Среднее значение 0.

Любые социографические измерения обладают большой погрешностью, и подгруппы с нейтральным, слабыми положительным и отрицательным восприятиями вряд ли сильно отличаются. Их можно объединить в одну подгруппу с почти нейтральным отношением к реальной

дружбе (уровень восприятия от $-0,2$ до $+0,2$). Она составляет 57% респондентов. Из оставшейся части 14% относятся средне отрицательно, а 29% - средне положительно.

Функция распределения эмоционального восприятия виртуальной дружбы по внешнему виду не сильно отличается от предыдущего случая. В среднем по группе отношение чуть нейтральнее, среднее значение уровня восприятия по всей группе около 0. Подгруппа с почти нейтральным отношением (уровень от $-0,2$ до $+0,2$) к виртуальной дружбе почти такая же, (59%), как и к реальной (). А вот подгруппа со средне отрицательным уровнем ($-0,3$ и ниже) для отношения к виртуальной дружбе больше, чем для восприятия реальной (22% против 14%). Для подгрупп со средне положительным отношением (уровень $+0,3$ и выше) наблюдается обратная закономерность. Здесь для восприятия виртуальной дружбы она 19%, а реальной на 10% больше (29%). Разница в 8-10% существенна, и можно сделать вывод, что в целом по всей исследуемой группе эмоциональное отношение к реальной дружбе более положительное, чем к виртуальной. Хотя при этом величины подгрупп с почти нейтральным восприятием практически одинаковы.

Для выявления возможной связи уровней восприятия не только на групповом, но и на индивидуальном уровне, были рассчитан коэффициент корреляции по Пирсону. Он оказался невысоким, 0,36, что указывают на отсутствие явной статистической зависимости. Но некоторые тенденции все же наблюдаются. На Рис. 5 показана функция рассеивания уровней восприятия по респондентам. По горизонтальной оси приведен уровень отношения к реальной дружбе, по вертикальной – к виртуальной. Каждая точка соответствует отдельному респонденту. Несмотря на небольшую величину взаимной корреляции, по рисунку можно выделить ось, вдоль

которой данные более тесно группируются. Еще лучше это видно, если убрать несколько крайних данных. На Рис. 6 представлена функция рассеивания для подвыборки в 43 человека. После того, как убрали данные по 8 респондентам, коэффициент корреляции увеличился почти вдвое (0,71). Это указывает на наличие явной статистической зависимости, которая просматривается на графике плотности распределения респондентов по уровням восприятия (Рис. 6). Уже четко виден эллипс рассеивания, данные плотно группируются вдоль его большей оси, которая и является линией статистической зависимости. При этом угол наклона этой линии к горизонтальной оси меньше, чем к вертикальной. На ней уровень восприятия реальной дружбы больше уровня восприятия виртуальной дружбы. Таким образом, и на индивидуальном уровне наблюдается, превышение эмоционального отношения к реальной дружбе. Правда, только в виде тенденции.

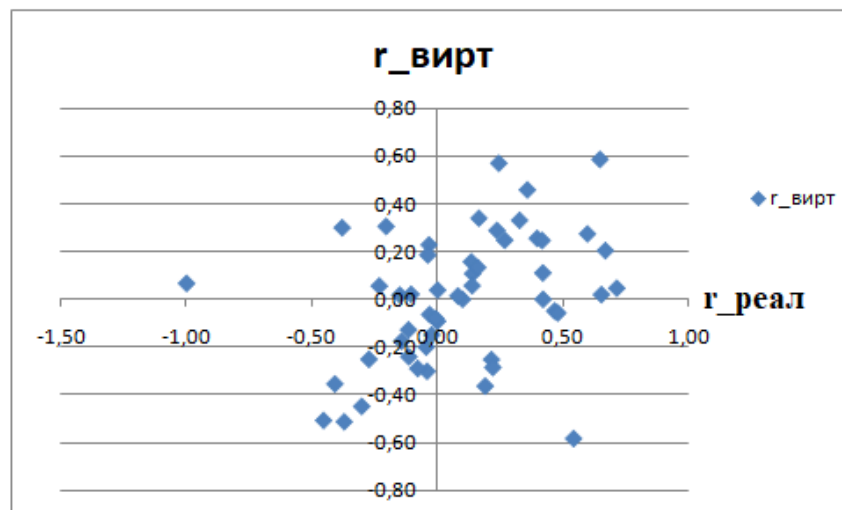

Рис. 5. Функция рассеивания уровней эмоционального восприятия реальной ($r_{\text{реал}}$) и виртуальной ($r_{\text{вирт}}$) дружб. По 51 респонденту, коэффициент взаимной корреляции 0,36

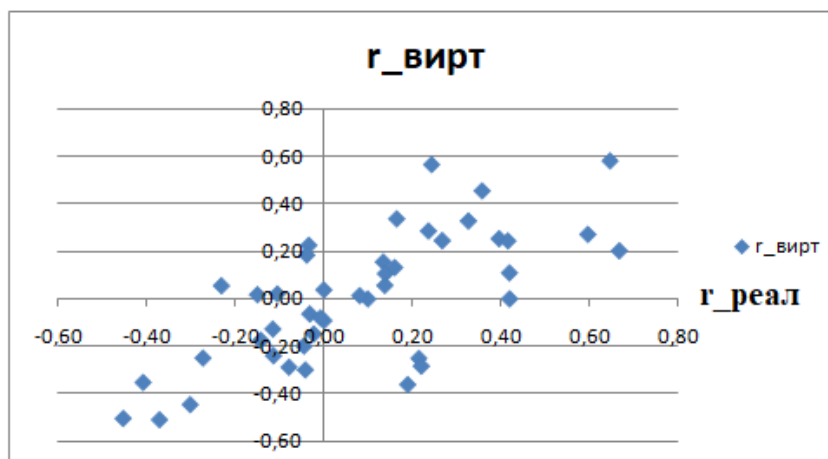

Рис. 6. Функция рассеивания уровней эмоционального восприятия реальной ($r_{\text{реал}}$) и виртуальной ($r_{\text{вирт}}$) дружб. По 43 респондентам, коэффициент взаимной корреляции 0,71.

Основной целью данной работы была отработка технологии экспериментального измерения аффективной составляющей установок студенчества по отношению к дружбе. И эта цель была достигнута. На конкретном примере показано, что разработанная ранее нами методика [11-15,20] вполне позволяет выявить уровни эмоционального восприятия как реальной, так и виртуальной дружбы. При этом получено, что отношение к реальной дружбе более положительно, чем к виртуальной. Такая закономерность ранее отмечалась и другими исследователями, в частности, при измерении когнитивной составляющей восприятия сетевой дружбы [8-10]. Однако при когнитивных исследованиях эта разница была гораздо больше, чем в нашем случае. На наш взгляд это означает, что хотя в основном молодежь декларирует преимущество реальной дружбы над виртуальной, реально довольно значительная часть студенчества уже ограничивается виртуальными отношениями.

Нами также получено, что чуть более половины исследуемой аудитории показали практически нейтральное эмоциональное отношение,

как к реальной, так и виртуальной дружбе. Положительно воспринимают реальную дружбу только около 29%, а виртуальную еще меньше – 19%. Эти результаты также не очень совпадают с данными по когнитивным измерениям. Мы опять же считаем, что это связано с разницей между декларируемым отношением и реально испытываемым.

Конечно, наше исследование носило пилотажный характер, и обобщать его результаты на всю студенческую молодежь (или хотя бы ДГТУ), не правомочно. Но полученные тенденции настораживают и говорят о необходимости полноценных широкомасштабных комплексных измерений когнитивных и аффективных составляющих установок межличностных отношений молодежи.

Литература

1. Шедловская М.А. Эволюция дружбы как социального явления: социологический дискурс. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 52-55.
 2. Кон И. С. Дружба. СПб. : Питер, 2005. 330 с. 4.
 3. Никитина Д.В. Дружба: парадигмы исследования. Вестник ЧитГУ № 12 (79) 2011. С. 133-143.
 4. Бегина И. А., Шедловская М.А. Социологическая рефлексия студенческой дружбы через призму социальных качеств. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 162-165.
 5. Бегина И. А., Шедловская М. А. Студенческая дружба: возрастная динамика восприятия. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 27-29.
 6. Wolak J., Mitchell K., Finkelhor D. Escaping or Connecting? Characteristics of Youth who Form Close Online Relationships // Journal of Adolescence. 2003. V. 26. P. 105–119.
-

7. Chou Ch., Peng H. Net-friends: Adolescents' Attitudes and Experiences vs. Teachers' concerns // Computers in Human Behavior. 2007. V. 23. P. 2394–2413.
 8. Щекотуров А.В. Net-дружба в структуре конструирования виртуальной идентичности подростков. Социология, Психология, Философия. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3(1). С. 441-445.
 9. Гурин К.Е. Структурирование сетей дружбы в онлайн-сообществах СМИ. Дискуссия. № 6 (69) ИЮНЬ 2016. С. 64-71.
 10. Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях. Национальный психологический журнал. № 3(31) 2018. С. 12-22.
 11. Мощенко И.Н. Психосемантическая феноменологическая модель групповой политической напряженности. Инженерный вестник Дона, 2010, № 1 URL: ivdon.ru/magazine/archive/n1e2010/173.
 12. Мощенко И.Н., Иванова М.И., Бугаян И.Ф. Типичные модели группового эмоционального восприятия политического порядка // Научное обозрение, 2013 г., №2. URL: sced.ru/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=107%3Aq&catid=21&Itemid=18.
 13. Мощенко И.Н., Васильева А.А., Ярошенко А.Н. Аффективные и когнитивные составляющие социокультурных установок // Инженерный вестник Дона, 2015, №4 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2015/3447.
 14. Розин М.Д., Иванова М.И., Ярошенко А.Н. Анализ эмоциональных состояний студенчества Ростова-на-Дону в конце 2015 гг. Инженерный вестник Дона, 2016, №2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2016/3673.
 15. Мощенко И.Н., Алботов А.М. Социально-экономические аспекты депривационных установок студенчества КЧР. Инженерный вестник Дона, 2015, №1 ч.2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n1p2y2015/2939.
-

16. Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana and Chicago: University of Illinois press, 1957. 347 p.
17. Osgood C.E. The nature and measurement of meaning. Psychological Bulletin, Vol. 49, No. 3, May, 1952. P.197 – 327.
18. Баранова Т.С. Психосемантические методы в социологии. Социология: 4М, 1993-94. № 3-4. С. 55-56.
19. Coombs, Clyde H. A theory of data. Oxford, England: Wiley. (1964). 585 p.
20. Мощенко И.Н., Иванова М.И. Стохастическая интерпретация психосемантической феноменологической модели оценок социальных установок. Инженерный вестник Дона, 2015, № 2. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2015/2948.

References

1. Shedlovskaya M.A. Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya. 2014. M. 14, No. 4. Pp. 52-55.
 2. Kon I. S. Druzhiba [Friendship]. SPb. : Piter, 2005. 330 p.
 3. Nikitina D.V. Vestnik ChitGU № 12 (79) 2011. Pp. 133-143.
 4. Beginina I. A., Shedlovskaya M.A. Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya. 2016. V. 16, No. 2. Pp. 162-165.
 5. Beginina I. A., Shedlovskaya M. A. Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya. 2015. V. 15, No. 1. Pp. 27-29.
 6. Wolak J., Mitchell K., Finkelhor D. Escaping or Connecting? Characteristics of Youth who Form Close Online Relationships // Journal of Adolescence. 2003. V. 26. P. 105–119/
 7. Chou Ch., Peng H. Net-friends: Adolescents' Attitudes and Experiences vs. Teachers' concerns // Computers in Human Behavior. 2007. V. 23. P. 2394–2413.
-

8. Shhekoturov A.V. Sociologiya, Psixologiya, Filosofiya. Vestnik Nizhnegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 3(1). Pp. 441-445.
 9. Gurin K.E. Diskussiya. № 6 (69) IYuN` 2016. Pp. 64-71.
 10. Soldatova G.U., Teslavskaya O.I. Nacional`ny`j psixologicheskij zhurnal. № 3(31) 2018. Pp. 12-22.
 11. Moshchenko I.N. Inzhenernyj vestnik Dona, 2010, № 1 URL: ivdon.ru/magazine/archive/n1e2010/173.
 12. Moshchenko I.N., Ivanova M.I., Bugayan I.F. Nauchnoeobozrenie, 2013, №2. URL: sced.ru/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=107%3Aq&catid=21&Itemid=18.
 13. Moshchenko I.N., Vasil`eva A.A., Yaroshenko A.N. Inzhenernyj vestnik Dona, 2015, №4 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2015/3447.
 14. Rozin M.D., Ivanova M.I., Yaroshenko A.N. Inzhenernyj vestnik Dona, 2016, №2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2016/3673.
 15. Moshchenko I.N., Albotov A.M., Inzhenernyj vestnik Dona, 2015, №1 p.2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n1p2y2015/2939.
 16. Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana and Chicago: University of Illinois press, 1957. 347 p.
 17. Osgood C.E. The nature and measurement of meaning. Psychological Bulletin, Vol. 49, No. 3, May, 1952. P.197 – 327.
 18. Baranova T.S. Sociologiya: 4M, 1993-94. № 3-4. Pp. 55-56.
 19. Coombs, Clyde H. A theory of data. Oxford, England: Wiley. (1964). 585 p.
 20. Moshchenko I.N., Ivanova M.I. Inzhenernyj vestnik Dona, 2015, №2. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2015/2948.
-